

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ўнинчи йил нашри

11
1966

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания десятый

гари тилёғламалик билан бўрттириб баён этмагани, ўз иззат-нафси учун талашгани сабабли қирол даргоҳидан ҳайдалади, барча молу мулк икки катта қизларга топширилади. Аммо кўп ўтмай қиролнинг ўзи катта қизлари томонидан қувғин қилинади. Трагедиядаги асосий ғоя буржуазия тузумининг иллатларидан бири — юқори мартабали зот олдида бош эгиш, унинг барча айтганини сўзсиз бажариш шарт деган тушунчани фош қилишдан иборат. Бу тушунча асосида кимнинг юқори мансаби, катта мол-мулки бўлса, давр-даврон ўшаники, ҳатто мансаб, давлат, мартаба ота-бола ўртасида ҳам кураш ва зиддият вужудга келтиради деган ғоя ётади. Олим Хўжаев бунни яхши пайқаб олган, томошабинларда адолатсизликка, ноҳақликка қарши нафрат уйғотишга эриша олган.

Олим Хўжаев ижросидаги Қирол Лир — дастлаб ўз севган қизига нисбатан

жоҳил, шафқатсиз, золим ота; у ерни тескари айлантириб юборишга ҳам қодирдек мағрур. Аммо бу мағрурлик, шафқатсизлик аста-секин қиролдан унинг катта қизларига ўта бошлайди. Энди қирол юмшоқ, шафқатли ва, ҳатто, кейинчалик дунёдаги энг ғариб, синфий жамиятдаги ҳаёт диалектикасини тўғри тушуна олган одам бўлиб гавдаланади.

Ниҳоят, хулоса қилиб шуни айтишимиз керакки, санъаткорнинг ижод процессини ўрганганда, унинг дунёқарашини четлаб ўтиш ғайри илмий бўлиб, марксча-ленинча эстетика принциплари тўғри келмайди. Социалистик реализм санъатининг кун сайин гуллаб яшнаши, бойиб ривожланиб боришининг асосий сабабларидан бири — марксистик назария ҳамда илғор ва соғлом дунёқараш билан қуролланганидир.

А. Эшонқулов

О СИСТЕМЕ ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА КРУПНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ В УЗБЕКИСТАНЕ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

(На этнографическом материале)

До Октябрьской революции Узбекистан был отсталой аграрной окраиной царской России. В сельском хозяйстве края господствовали феодальные отношения. Земельная собственность сосредоточивалась в руках крупных землевладельцев — светских и духовных феодалов, баев, торговцев, ростовщиков. В результате усиления классовой дифференциации росло число малоземельных и безземельных хозяйств, причем отсутствие развитой промышленности вынуждало большинство крестьян оставаться в кишлаке, где они пополняли ряды издольщиков, батраков и поденщиков.

Земли крупных собственников обрабатывались безземельными крестьянами и батраками. Широко была распространена издольная аренда, формы которой в различных районах были неодинаковыми. Об этом свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении этнографический материал о ряде хозяйств из разных районов Узбекистана — Ферганской долины, Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Описания этих хозяйств сделаны по воспоминаниям бывших батраков и издольщиков.

Одним из таких хозяйств было владение крупного асакинского бая Джурь Мингбаши¹. Помимо двух тысяч танапов земли²

(в различных кишлаках), у него было около ста пар рабочих волов и лошадей, стада баранов и крупного рогатого скота, хлопкозавод, несколько маслоделен и большие сады³. Занимался бай и ростовщичеством.

Хозяйство досталось Джуре Мингбаши и двум его братьям по наследству. Жили они вместе в большой усадьбе. В роли управляющего всем хозяйством выступал старший брат Ташпулат, его сын Ахматбай распоряжался усадьбой. Младший брат Мамадалихун ведал земельными угодьями, а специальный человек (в описываемое информаторами время — Фазыл Кори) — скотом.

В усадьбе постоянно работали пять батраков (каролов), обычно из кашгарцев. Один карол смотрел за крупным скотом, другой — за мелким, двое были приставлены к лошадям. Здесь же работал и пекарь, обслуживавший не только хозяев, но и их работников, которые, по оговоренным условиям, получали питание от бая.

Все сельскохозяйственное хозяйство Джурь Мингбаши велось на основе издольщины. Одним из издольщиков-чайрикером был наш информатор Джумабай Пирназаров⁴ из кишлака Ниёзботир (ныне Асакинского

³ Здесь и далее размеры байских хозяйств даны нашими информаторами приблизительно.

⁴ Джумабай Пирназаров ныне проживает в Сурхандарьинской области, куда он выехал в 1929 г. по призыву партии и правительства для освоения новых земель и развития хлопководства. С 1930 по 1957 г. Дж. Пирназаров был председателем колхоза «Янги Рузгор». Имеет орден Ленина, два ордена «Знак Почета», был депутатом Верховного Совета СССР. С 1957 г. вышел на пенсию.

¹ Описание дается по сообщениям информаторов Джумабай Пирназарова (род. в 1888 г.) и Тахира Норматова (род. в 1891 г.), ныне персональных пенсионеров, проработавших в этом хозяйстве более 20 лет. См. также В. Лаврентьев, Капитализм в Туркестане. Буржуазная колонизация Средней Азии, Л., 1930, стр. 41—42.

² Танап — мера земли. Один танап в Асаке был равен 0,18 га.

района Ферганской области). Отец его Пирназар своей земли не имел и, насколько помнит Джумабай-ота, был чайрикером у отца Джурь Мингбаши, а затем у него самого.

Пирназар арендовал 12 танапов земли, состоявших из двух примерно равных участков. Кроме земли, бай давал ему семена и пару волов на время полевых работ. На шести танапах, более обеспеченных водой, возделывался хлопчатник, а на остальных — пшеница и джугара. С посевов пшеницы издольщик получал $1/5$, с хлопка — $2/5$, с джугары — $1/3$ урожая.

На арендованной земле работала вся семья Пирназара — два сына и три дочери. Джумабай был самым младшим. Он стал участвовать в полевых работах с 12 лет. Отец Джумабая был постоянным должником бая.

После смерти отца (1905 г.) эту землю на тех же условиях Джурь Мингбаши отдал Джумабаю, а в свободное от полевых работ время он обязан был трудиться на байский усадьбе.

Дележ выращенной пшеницы происходил прямо на хирмане, в присутствии представителя бая. Пятую часть урожая выделяли до раздела — она шла на уплату налога (улпон), $3/5$ доли забирали бай, а $1/5$ оставалась издольщику. Часть пшеницы, которую издольщик намеревался продать на оазере, тут же покупал бай. Весь урожай хлопка оставался у бая в счет погашения долгов, в том числе и оставшихся после смерти Пирназара.

На эксплуатации труда издольщиков было основано и хозяйство Туракул-бая из кишлака Чувама (ныне Избасканского района Андижанской области)⁵. Туракул имел около 50 танапов поливных угодий в Ташкишлаке и столько же в кишлаке Чувама, много богарной земли, сад в 5 танапов, 5 коров, 4 лошади (одна скаковая), 50 баранов, около 20 волов, мельницу, толчею для очистки риса.

В течение 33 лет проработал у Туракула наш информатор Курбан Хамракулов. Он попал в байский дом пятилетним сиротой. Заинтересованный в даровом работнике бай «усыновил» его. До 17 лет Курбан работал на усадьбе, а затем вместе с четырьмя крестьянами из кишлака Чувама стал издольщиком («кошчи»)⁶.

⁵ Сведения об этом хозяйстве получены от Курбана Хамракулова (род. в 1888 г.) и Исаكبая Туйчиева (род. в 1890 г.) — пенсионеров, проживающих ныне в совхозе № 8 Избасканского района Андижанской области.

⁶ См. об этом термине: А. Миддендорф, *Очерки Ферганской долины*, СПб., 1882, стр. 352; В. и М. Наливкины, *Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886*, стр. 19—20; А. Губаревич-Радобильский, *Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух*

Бай дал им 50 танапов земли, пригодной для посева риса, два чорака (200 кг) риса на семена, две пары волов и одну лошадь. Работали они совместно, а урожай делили на пять частей. Две части брали четыре издольщика, а три доставались баю. Одна из них считалась долей Курбана. За это бай обещал женить его.

Курбан был старшим над издольщиками, которые вместе со своими семьями работали не только в поле, но и в байской усадьбе.

Все средства на пропитание и хозяйственные нужды издольщики брали у бая в долг, расплачиваясь из своей части урожая. Остатки долга в процентах переносились на следующий год.

Несколько иным было положение издольщиков в ханствах. В качестве примера приведем одно хозяйство Гиждуванского района бывшего Бухарского эмирата.

Кишлак Гамхур был отдан эмиром Абдурахман-беку. По словам информатора, передача была оформлена как вакуф-авлод⁷ (очевидно, Абдурахман-бек был из рода сейидов или ходжей). Жители кишлака должны были отдавать Абдурахман-беку и его потомкам $1/3$ урожая, и потому договор с издольщиками заключался с вычетом $1/3$ урожая⁸.

Житель этого кишлака мулла Муминбай имел 12 танапов⁹ поливной земли и вола. Всю землю он сдавал в издольщью аренду из половины урожая. Издольщик (каранда)¹⁰ получал также вола и семена. Поскольку для полевых работ необходима была пара волов, издольщик вступал в супругу с кем-либо из соседей, за что отработывал в хозяйстве последнего определенное количество дней¹¹.

На сданной в аренду земле высевалась

систем протектората, СПб., 1905, стр. 31; П. П. Иванов, *Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии*, Известия АН СССР, 1935, № 8, стр. 756.

⁷ Вакуф-авлод — вид потомственного фамильного владения, часть дохода с которого поступала в пользу определенного религиозного учреждения.

⁸ Сообщение информатора Раззока Узакова (род. в 1894 г.) из кишлака Ташрабат Гиждуванского района Бухарской области.

⁹ Один танап в Бухаре равнялся 0,25 га.

¹⁰ См. об этом термине: Фитрат, Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии, Записки ИВ АН СССР, 1933, 11/2, стр. 81; П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.*, М.—Л., 1954, док. 312; К. М. Мирзаев, *Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954*, стр. 57—59, и др.

¹¹ В Бухаре за день использования пары волов на полевых работах отработывали от 2 до 4 дней.

пшеница и отчасти хлопок местного сорта (гуза). Урожай делился следующим образом: 1/3 часть выделялась потомкам Абдураим-бека. Затем Муминбай забирал то количество зерна, которое он выдал на семена. Определенную долю получали аксакал кишлака, мулла (т. е. опять-таки Муминбай), парикмахер и т. д. Остаток урожая делился поровну между Муминбаем и издольщиком.

Опишем, наконец, одно хозяйство Хивинского ханства. Это владение ханского чиновника (диван-беги) Абдураим-бая¹². Он имел много земли в различных кишлаках. Например, в кишлаке Гандимиён у него был участок в 30 танапов¹³, орошаемых тремя чигирями. Здесь же находилась усадьба, представлявшая крытый двор, в котором имелись небольшие жилые помещения и содержался скот. В усадьбе Абдураим-бай держал пару волов, две арбы и две лошади. Сам он жил в Хиве, а всю землю сдавал трем издольщикам (яримчи)¹⁴ — по 10 танапов каждому. Издольщики с семьями жили в описанной усадьбе. Питались они отдельно, а скотом должны были пользоваться сообща. Помимо земли и рабочего скота, они получали от хозяина и пшеницы. Сеяли в основном пшеницу и отчасти хлопчатник.

Работали издольщики из половины урожая, оставшегося после вычета семян, предоставленных землевладельцем для посева. Издольщики обязаны были также заниматься очисткой оросительных систем и работать в хозяйстве диван-беги. Если они брали у бая какую-то сумму денег, то отдавали долг с высокими процентами: с 60 тилля — 7,5 тилля в год¹⁵.

Многие издольщики подолгу работали в байском хозяйстве. Например, семья Оташевых проработала у Абдураим-бая 12 лет. На арендованной земле вместе с Оташем работали три его сына; старшему было за 20, а младшему — 12 лет. Лишь через 12 лет они смогли купить небольшой участок земли.

Наряду с хозяйствами, которые велись на основе издольной аренды, было немало хозяйств, применявших и труд батраков.

Обычно они работали наряду с издольщиками, но имелись такие хозяйства, в которых эксплуатировался только труд батраков, называемых в разных областях Узбекистана различными терминами¹⁶.

Для Ферганской долины сведения о таких хозяйствах содержатся в труде В. Юферева¹⁷. В частности, он приводит бюджет хозяйства из кишлака Ак-Тепе, которое располагало 36 танапами удобной земли. В 1908 г. на 16 танапах был посеян хлопчатник, на 10 — кукуруза, на 2 танапах — клеверник, а 6 танапов занимала усадьба. В хозяйстве имелись две рабочие лошади, два быка и две коровы. Здесь было занято два сроковых рабочих, которые проработали в общей сложности 18 месяцев.

Труд батраков широко применялся в хозяйствах крупных землевладельцев Бухары и Хорезма. В качестве примера можно привести хозяйство бухарского землевладельца из кишлака Мирзаён, которого называли Туксобо (по его чину)¹⁸. Ему принадлежали свыше 40 танапов поливной земли в этом кишлаке, 60 танапов в соседнем кишлаке Хупила, две пары волов, шесть лошадей (из них 4 скаковые) и четыре коровы. Большую часть земли засевали пшеницей, а также люцерной и местным сортом хлопчатника. При усадьбе был сад на 5 танапов. Туксобо имел также мельницу и маслобойню.

В этом хозяйстве работало 7—8 етимов, получавших по 15—20 тилля в год, а также одежду на зиму и на лето. Одним из них был наш информатор Чинмурод Якубов. Его семья жила в кишлаке Хупила. В раннем возрасте у Чинмурода умерла мать, а в 8 лет он потерял и отца. Тогда его тетка — одна из трех жен Туксобо — увезла его в усадьбу бая, в кишлак Мирзаён, где он и проработал 24 года. В отличие от других

¹⁶ См. об этом: А. Давыдов, Кокан-кишлакская волость перед земельной реформой, Ташкент, 1926, стр. 14, 37 и след.; М. Ю. Юлдашев, Феодалное землеустройство в Хиве XIX в. до присоединения ханства к России, Известия АН УзССР, серия общ. наук, 1959, № 3, стр. 45; К. Шаниязов, К вопросу о социальных отношениях у карлуков Южного Узбекистана в конце XIX — начале XX в. (по этнографическим данным), там же, стр. 51; М. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961, стр. 129; Н. А. Кисляков, Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., Труды Института этнографии АН СССР, т. XXIV, М.—Л., 1962, стр. 119.

¹⁷ В. Юферев, Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911, стр. 14—48.

¹⁸ Сообщение информатора Чинмурода Якубова (род. в 1888 г.) из кишлака Мирзаён Гиждуванского района Бухарской области, который проработал в этом хозяйстве с 1896 г. до революции 1920 г. в Бухаре.

¹² По сообщению информаторов: Кадыра Оллавергенова (род. в 1886 г.) и Матниёза Оташева (род. в 1893 г.) — ныне пенсионеров из кишлака Гандимиён Хивинского района Хорезмской области.

¹³ Один танап в Хорезме равнялся 0,40 га.

¹⁴ См. об этом термине: О. Шапский, Аму-Дарбинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 192; П. П. Иванов, Из области средне-азиатской хозяйственной терминологии, стр. 756; А. Садыков, Экономические последствия установления протектората царской России над Хивинским ханством, диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1954, стр. 128.

¹⁵ 1 тилля = 9 танга; 1 танга = 15 коп. (по курсу конца XIX в.).

етимов, Чинмурод платы за работу не получал, хотя жил, питался и работал вместе с другими етимами. Считалось, что ему, как родственнику, неудобно просить плату или уйти без согласия Туксобо.

Аналогичные хозяйства, основанные на эксплуатации батраков, имелись и в дореволюционной Хиве.

Известный хивинский бай Сагдулло, помимо хлопкового завода в Хиве, имел большое количество земли, часть которой обрабатывалась батраками. Так, в кишлаке Сангар ему принадлежало около 30 танапов¹⁹. 25 танапов находились на одном массиве, а около 2,5 танапа были расположены отдельно. Здесь размещалась байская усадьба. Все земли обрабатывались батраками. Их было пять человек и жили они со своими семьями на упомянутой усадьбе. Для ведения хозяйства бай дал им двух волов и двух лошадей с арбами. Сеяли в основном пшеницу, хлопок, а также джугару и клевер.

За год работы бай платил каждому взрослому батраку по 10 тилля, выдавал один новый и один поношенный комплект одежды (рубаша, штаны, чапан, шапка, сапоги). На пропитание им выдавалось 1 батман (20 кг) пшеницы для семейных и полбатмана на холостого батрака в неделю, поллитра масла в день на всех и 12 мискал (100 г) чая. По четвергам бай давал 500 г мяса, 500 г масла и 1,5 кг риса на всех, а по понедельникам — 500 г мяса для супа. Если же кто-либо брал деньги или продукты сверх договоренного, это считалось его личным долгом, который батрак выплачивал из годового заработка.

Почти все батраки описанного хозяйства были пожизненными должниками бая. Так, бай женил в свое время батраков Мулло, Этчона, Камола, засчитав затраты на свадьбы в их долг. Эти люди всю жизнь проработали на бая, но так и умерли его должниками.

Среди батраков был и наш информатор, 12-летний тогда Артык Матчанов, работав-

ший в счет уплаты процентов с 10 тилля, взятых у бая его отцом. Эта отработка продолжалась 4 года, пока мальчик не сбежал. Тогда семье пришлось возратить баю занятые у него 10 тилля, продав корову, теленка и другое имущество, хотя фактически Артык Матчанов своим трудом с лихвой рассчитался и за долг, и за проценты.

Приведенные выше примеры и другие известные нам материалы свидетельствуют о том, что в дореволюционном Узбекистане конца XIX—начала XX в. имелись крупные землевладения, основанные на эксплуатации батраков и издольщиков, причем в некоторых хозяйствах земли обрабатывались только батраками. Они находились в личной зависимости от землевладельцев, использовавших в этих целях долговую кабалу, пережитки патриархального быта и т. п. Издольщина и батрачество были удобными формами жестокой эксплуатации непосредственных производителей.

Характерно, что в Ферганской долине, где в кишлаке уже начали развиваться капиталистические отношения и сельское хозяйство принимало все более товарный характер, аренда отличалась сложностью отношений между землевладельцами и арендаторами. При договоре учитывалось качество земли, трудоемкость культуры, материальное положение издольщика и т. п.

В Бухаре и Хорезме при заключении устного договора на аренду ставилось меньше условий и, как правило, арендаторы получали больше доли при разделе урожая (1/2, 1/3); к тому же здесь процент хозяйств, имевших рабочий скот, был выше, чем в Фергане, а потому арендаторам реже приходилось прибегать к использованию рабочего скота землевладельцев.

Таким образом, изучение этнографического материала позволяет получить более полное представление о системе ведения хозяйства крупных землевладельцев в Узбекистане конца XIX — начала XX в.

Т. Х. Ташбаева

БЕБАҶО ҲИССА

Шарқнинг мингларча машҳур олимлари, ажойиб хаттотлари қаламининг тебранишидан вужудга келган ва ўтмишдан бизгача қўлёзма ҳолида илмий мерос сифатида етиб келган дурдоналар ҳозир Тошкентда ҲЗСР Фанлар академиясининг Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти қўлёзмалар фондига тўпланган. Бу маданий мерос илмий асосда ўрганилмоқда ва унга бўлган қизиқиш кун сайин ошиб бормоқда.

Институтнинг қўлёзма асарлар ва литография китоблари фонди шарқнинг ўтмишдаги машҳур тарихчи, файласуф олимлари ва шоирларининг ҳар хил мазмундаги янги-янги асарлари билан бойиб бормоқда.

Институт хазинаси кейинги йилларда бир қанча қўлёзма асарлар ва литография китоблари билан яна тўлатилди.

Коммунистик партия ва Совет ҳукумати ўтмишдан қолган бу бебаҳо ёзма дурдоналарни бир ерга тўплаш, уларни эҳтиёткорлик билан сақлаш ва илмий асосда ўрганиш ишига алоҳида эътибор билан қарайдилар. Аҳоли қўлида сақланиб қолган қўлёзма асарларни сотиб олиш учун давлат

¹⁹ По сообщению информаторов Артыка Матчанова (род. в 1900 г.) и Рахима Бекжанова (род. в 1894 г.) из кишлака Сангар Хивинского района Хорезмской области.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ўн иккинчи йил нашри

7

1968

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания двенадцатый

Такие же «беспорядки» происходили в Скобелеве (Фергана) и других пунктах Туркестанского края¹⁴.

Эти волнения, несмотря на их стихийный характер, имели большое политическое значение, ибо вместе с поднимавшейся волной

рабочего, аграрного, национально-освободительного движения в Туркестане они свидетельствовали о назревании в крае революционного кризиса.

Л. Н. Кравец

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПЛАНТАЦИОННЫХ ХОЗЯЙСТВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ТУРКЕСТАНА (По этнографическим материалам)

Вопрос о появлении плантационного хозяйства в Средней Азии — один из аспектов проблемы зарождения здесь капиталистических отношений. Вопрос этот не получил еще должного освещения в исторической литературе, посвященной колониальному периоду, хотя плантационные хозяйства в ней упоминаются нередко, начиная с работ дореволюционных авторов (А. Шахназаров, А. Демидов) и кончая сводными трудами по истории Узбекской ССР, исследованиями А. М. Аминова, М. Г. Вахабова и др. Почти во всех этих трудах о плантациях говорится лишь очень кратко, с упоминанием одних и тех же фактов, почерпнутых из общих источников.

В. И. Массальский отмечал, что развитие хлопководства в Туркестанском крае привело к созданию плантаций. «Туркестан охватила хлопковая горячка. Купцы, чиновники, офицеры, лица, принадлежащие к администрации, все, у кого нашлись небольшие деньги, бросились сеять хлопчатник, заводить плантации и устраивать хлопкоочистительные заводы»¹. По данным А. П. Демидова (ссылающегося на В. И. Массальского), плантаторские хозяйства в Туркестане занимали около 4800 десятин. «...В особенно сильной степени увлечение хлопководством существовало в Ташкенте и его окрестностях»².

Большинство авторов указывают, что плантационный способ ведения хозяйства в Туркестане не привился, почти все плантации быстро терпели крах и переходили на старую, выработанную феодализмом систему — издольщину, более выгодную в условиях туркестанского хлопководства.

«Стоило только американскому хлопчатнику завоевать право гражданства и распространиться по краю, — писал А. П. Демидов, — как наступила полоса падения плантаторства, не устоявшего перед конкуренцией мелких хозяйств». По его сло-

вам, главная причина недолговечности плантаций состояла в том, что они «не могли достичь той степени интенсивности, которая была у владельцев мелких участков при их личном ведении хозяйства. Вторая причина... от условий обмена, при посредстве которого извлекалась большая прибыль фирмой тогда, когда она закупала хлопок, чем... сама производила... Затем — отсутствие знакомства с местными условиями ведения хозяйства, его водный режим и целый ряд других, чисто туркестанских особенностей»³.

Агроном Н. Н. Александров, подробно описавший имение «Андреевский хутор» Большой Ярославской мануфактуры в 1900 г., называет две «главные» причины краха плантаций: «...Рискованность односторонних хлопковых посевов, в связи с отсутствием капиталов и ...отсутствие правильной организации хозяйства в связи с незнанием элементарных основ земледелия»⁴.

Глубокое научное объяснение причин краха плантационных хозяйств в дореволюционном Туркестане дали советские ученые. Так, авторы «Истории Узбекской ССР» указывают, что при «господстве феодального способа производства и феодальных методов эксплуатации... применение наемного труда и вложение больших средств, связанных с организацией крупного хозяйства, оказались нерентабельными»⁵.

А. М. Аминов отмечает, что предприниматели не создали условий для крупного сельскохозяйственного производства — «машинизации, вместо применения ручного труда, улучшения агротехники, ирригации, мелиорации и т. д.»⁶

Надо сказать, что в сведениях, приводимых в литературе по данному вопросу, име-

³ Там же.

⁴ Н. Н. Александров. Описание имения «Андреевский хутор» Т-ва Большой Ярославской мануфактуры в Ферганской области, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. X, Ташкент, 1901, стр. 183.

⁵ История Узбекской ССР, т. I, кн. вторая, Ташкент, 1956, стр. 116.

⁶ А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), Ташкент, 1959, стр. 201.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-461, оп. I, д. 1824, л. 87, и др.

¹ В. И. Массальский. Хлопковое дело в Средней Азии, СПб., 1892, стр. 25.

² А. П. Демидов. Экономические очерки хлопководства, хлопкоотгонства и хлопковой промышленности Туркестана, М., 1926, стр. 37.

ются некоторые противоречия и неясности. Так, А. П. Демидов сообщал, что сохранившееся позже других плантаторское хозяйство Большой Ярославской мануфактуры, располагавшее 737,5 десятины земли, в 1910 г. заседало хлопчатником 139 десятин, а чайрикером сдавало 304 десятины⁷. Таким образом, на довольно значительной по среднеазиатским масштабам площади, очевидно, по-прежнему велось плантационное хозяйство.

Как видно, вопрос о плантационных хозяйствах в дореволюционном Туркестане требует дальнейшего изучения. Это касается прежде всего специфики плантационного хозяйства в Туркестане, его организации, системы ведения, условий труда, форм и степени эксплуатации непосредственных производителей.

Здесь существенную пользу могут принести этнографические исследования. Нам, в частности, удалось собрать некоторый материал по двум плантационным хозяйствам.

Одно из них было расположено на территории нынешнего Избасканского района Анджанской области. Оно возникло в 80-х годах XIX в. и сохранялось до 1924 г.⁸ Нашими информаторами были Курбан Хамракулов и Махкамбай Худайкулов, проработавшие в этом хозяйстве по нескольку лет, а также Мамадали Хурматов, Мамаджан Муиддинов⁹ и другие старожилы из окрестных кишлаков.

По их сведениям, в конце XIX — начале XX в. главой описываемого хозяйства был Петр Мичкаев, единственный наследник русского чиновника Мичкаева, которого дехкане называли «ноиб».

Имение состояло из тысячи с лишним танапов земли¹⁰, расположенной одним массивом. Около половины площади составляла богара. В хозяйстве имелось 20 рабочих волов, 12 лошадей и единственный в этих местах трактор «Фордзон» с плугом. Кроме того, в имении было свыше 15 коров, около 500 голов мелкого скота, а также фруктовый сад (6 танапов) и две мельницы.

На землях имения возделывались в основном пшеница и хлопчатник, причем хлопковые посевы занимали меньшую площадь, ибо значительная часть земель плохо

орошалась. Часть земли была занята под люцерной и другими культурами, продукция которых использовалась в самом хозяйстве.

Все полевые работы выполнялись сезонными рабочими. Постоянных работников было около 40, а в страду число рабочих достигало ста человек и более. В основном это были жители соседних кишлаков. Жили рабочие в специальном бараке. Вечером или утром их распределяли на работу. Они получали плату деньгами каждые 10 дней, но расчет велся поденно. Продукты рабочие покупали в лавке, которая также принадлежала Мичкаеву.

Сам Мичкаев лишь выдавал зарплату. Все остальные дела вел управляющий (рабочие называли его «саркар-сарикор») и двое его помощников. В описываемое время управляющим был таджик Маматкул из кишлака Чувама. Здесь же находилась контора, в которой работали два человека, один из них — родственник Мичкаева.

В 1924 г., когда шла подготовка к земельной реформе, Мичкаев добровольно сдал землю государству и выехал в Ташкент, где стал работать агрономом. Его имение вошло в состав Зернотреста (а ныне — совхоза № 8).

Второе изученное нами плантационное хозяйство принадлежало русскому чиновнику Федосееву. Оно находилось на территории нынешнего колхоза «Октябрь» Ташкентской области¹¹. По сообщению информатора, Федосеев владел более чем 150 танапами земли, из них 10 танапов занимала хорошая усадьба с садом и цветником. Здесь землевладелец и его семья жили с весны до осени, а на зиму они переезжали в Ташкент. Земли имения находились между Бозсу и Карасу и были хорошо обеспечены водой. В хозяйстве выращивались хлопок, пшеница, люцерна, бахчевые и т. д. Имением управлял специальный человек (сарикар) из местных жителей. Землю обрабатывали поденщики (мардикоры). Это хозяйство также просуществовало до 1924 г.

Есть сведения, что подобные плантации принадлежали и некоторым местным баям. Так, на территории нынешнего Ленинабадского района Таджикской ССР, входившего до революции в состав Туркестана, существовало хозяйство Абдулкасымбаев, эксплуатировавшего труд мардикоров. Накануне революции в хозяйстве насчитывалось около 600 танапов поливной пахотной земли и 240 танапов фруктового сада и виноградника. Абдулкасымбай «нанимал рабочих из местных жителей, которые приходили утром, завтракали, получали задание на день, брали необходимые для работы орудия и скот и расходились по полям. К вечеру они возвращались в усадьбу бая, сда-

⁷ А. П. Демидов. Указ. соч., стр. 37.

⁸ Первым узнал об этом хозяйстве научный сотрудник сектора этнографии Института истории и археологии АН УзССР Х. Исмаилов, которому довелось побеседовать с бывшим управляющим имения. На следующий год мы выехали на место, но уже не застали этого человека в живых.

⁹ К. Хамракулов (род. 1888 г.), М. Худайкулов (1894 г.), М. Хурматов (1908 г.) М. Муиддинов (1896 г.) — жители поселка совхоза № 8 Избасканского района Анджанской области.

¹⁰ Один танап в Туркестане составлял 0,18 га.

¹¹ Информатор Д. Амонов (род. 1899 г.) из колхоза «Правда» Ташкентской области.

вали инвентарь и скот, обедали и расходились по домам до следующего утра. У бая в усадьбе была устроена столовая, установлен большой чугунный котел... и имелись специальные повар, готовивший пищу, и пекарь, выпекавший лепешки. Хозяин в течение дня сам верхом на лошади объезжал те участки, где шла работа, и проверял состояние дела... В летнее время ежедневно у бая работало около 60 рабочих, а зимой — до 20 человек»¹².

В материалах Среднеазиатской историко-бытовой экспедиции 1951—1953 гг. описывается хозяйство Саналибая в Папе (Ферганская долина), где имелось 900 танапов поливной земли. «Для работы на своих хлопковых полях он набирал мардикоров из приезжих из Коканда и Намангана. Они жили в специально построенной для них глинобитной казарме, за пользование которой он брал с них плату. За работу на хлопковых полях Саналибай расплачивался с ними деньгами, а за обработку полей, засеянных пшеницей, — зерном»¹³.

По сообщению упомянутого выше Д. Амонова, его отец и сам он до 20-х годов работали в хозяйстве Расуль-хаджи ишана. Этот землевладелец имел более

350 танапов земли. Кроме того, около 300 танапов земли он брал в аренду. В хозяйстве было около 160 волов и более 20 лошадей. Часть земли ишан сдавал в аренду 20 издольщикам, а в большей части хозяйства применялся труд поденщиков (число которых в сезон полевых работ превышало 100 человек) и других срочных работников.

Из этих фактов можно сделать некоторые выводы. Все описанные хозяйства несомненно велись капиталистическим способом, о чем говорят сезонный характер труда, система найма, оплаты и т. д. Владельцами подобных хозяйств были не только русские предприниматели, но и местные баи. Эксплуатировавшиеся ими непосредственные производители становились по существу сельскохозяйственными рабочими. Следовательно, наряду с господствующим парцеллярным типом хозяйства, в Узбекистане конца XIX — начала XX в. были (правда, немногочисленные) крупные плантационные хозяйства, носившие явно выраженный капиталистический характер.

Т. Ташбаева

РОССИЯ БИЛАН ҚЎҚОН САВДО АЛОҚАЛАРИ

(XIX асрнинг биринчи ярми)

Қўқон хонлиги билан Россия ўртасидаги савдо алоқалари анча илгари бошланган бўлиб, бу алоқалар XIX асрнинг бошларига келиб янада кучаяди. Ҳар икки давлат ўртасидаги савдо алоқаларининг йўлга қўйилишида элчилик муносабатларининг самарали бориши муҳим роль ўйнаган.

1809 йилда Тошкентнинг Қўқон хонлиги составига қўшиб олиниши, Қўқон хонлиги ташқи савдосининг ривожланишига катта ижобий таъсир кўрсатди. Чунки Қўқон хонлиги Россия билан ташқи иқтисодий савдо алоқаларини Тошкент орқали олиб бсрар эди.

Шу даврлардан эътиборан, Тошкентнинг ҳар икки давлат ўртасидаги транзит савдо пункти сифатидаги роли кучаяди. Савдо алоқалари Россиянинг чегара шаҳрлари Петропавловск, Семипалатинск ва Оренбург орқали олиб борилад эди. Тошкентдан Россияга борадиган энг яқин карвон йўли Петропавловск орқали ўтган бўлиб, бу йўл туя ва отларда 30—35 кунда бссиб ўтилган.

¹² Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, Труды АН ТаджССР, т. XXVIII, Душанбе, 1960, стр. 54.

¹³ Историко-бытовые экспедиции 1951—1953 гг. Материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX — начала XX века. Под общей редакцией А. М. Панкратовой, М., 1955, стр. 185.

Айрим архив ҳужжатларига кўра, 1800 йил ноябрда Бобожон Мухаммедов бошлиқ бир гурӯҳ Тошкент савдогарлари 400 та туя, 310 та отга юкланган моллар билан Петропавловска йўл олганлар. Бу келтирилган маълумотдаги рақамлар савдонинг анча ўсганлигидан далолат беради.

Қўқон хонлигининг ташқи савдоси қанчалик ўсганлигини Оренбург орқали олиб бориладиган савдодан ҳам кўриш мумкин. Чунончи, 1805 йилда Оренбургдан тошкентлик, қўқонлик ва бухороликлардан иборат 162 савдогар 547 та туяга юкланган турли моллар билан ўз Ватанларига жўнаганлар. Бу карвоннинг моллари ичида олтин ва қумуш тангалар ва уруш қуроллари бўлган.¹

Россия Қўқон хонлиги билан савдо алоқаларини давом эттириш мақсадида, 1809 йилда В. Римеров ва А. Агафоновлар бошчилигида унча катта бўлмаган савдо карвонини Петропавловск, Тошкент орқали Қўқонга юборган.² Россия билан савдо алоқаларини давом эттиришдан манфаатдор бўлган Қўқон хони Олимхон бунга жавобан ўша йилнинг ўзидаёқ 300 та туяга юкланган моллар карвонини Қўқондан Тошкентга юборишга буйруқ беради. Бу карвон Тошкент орқали Россияга жўнатилиши керак эди. Бироқ Олимхоннинг тўсатдан ўлдир-

¹ Гос. архив Оренбургской области (ГАОО), фонд 6, опись 10, дело 1860, варақ 1.

² ЦГИАЛ, фонд 560, опись 4, дело 2, варақ 41

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ун тўртинчи йил наشري

2

1970

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания четырнадцатый

правило, предварительно рассматривались в Совнарком. Так, п. «в» ст. 5 «Положения о Совете Народных Комиссаров» относил к ведению СНК УзССР «предварительное рассмотрение проектов декретов и постановлений, вносимых, согласно Конституции УзССР, на утверждение СНК УзССР или его Президиума».

В 1929 г. было установлено следующее распределение обязанностей между Председателем СНК и его заместителями:

а) за Председателем СНК закреплялось руководство пленарными заседаниями СНК, работой Государственной плановой комиссии, Наркомфина, Наркомздрава, Комиссии содействия азотному и железнодорожному строительству;

б) за первым заместителем Председателя СНК — руководство работой Подготовительной комиссии (ПК), ВСНХ, Наркомата торговли и кооперации, Наркомзема и земельными делами, ирригацией и хлебным совещанием;

в) за вторым заместителем Председателя СНК — руководство работой Распорядительным заседанием СНК, Наркомтруда, Наркомобеса, Наркомюста и НКВД⁸.

Аппарат, образованный при Совете Народных Комиссаров, под руководством Председателя СНК стал оперативным органом, с помощью которого быстро решались самые разнообразные вопросы государственной жизни. Большую работу вело Управление делами СНК.

Ведением протоколов Совнаркома и Подготовительной комиссии, изготовлением оригиналов и копий правительственных декретов и постановлений, выписок из решений СНК и другой текущей канцелярской работой занимался Секретариат СНК.

Совнарком УзССР в своей деятельности руководствовался ленинскими указаниями о необходимости всемерного удешевления советского аппарата и совершенствования его организации и деятельности, решительной борьбы с бюрократизмом и волокитой. Эти вопросы неоднократно были предметом обсуждения в СНК УзССР.

В. И. Ленин разъяснял, что основным содержанием деятельности государственного аппарата должна быть живая организаторская работа, борьба за претворение в жизнь политики Коммунистической партии и Советского правительства. Эти ленинские идеи стали нормой повседневной деятельности Совета Народных Комиссаров УзССР.

Залогом успешной работы Совнаркома Узбекской ССР был ленинский принцип коллегиальности, коллективного руководства государством и ответственности каждого работника за порученное ему дело. Коллегиальное обсуждение и решение всех вопросов управления в советских учреждениях, писал В. И. Ленин, должно сопровождаться установлением самой точной ответственности каждого из состоящих на любой должности лиц за выполнение определенных, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и практических работ⁹.

На этих началах и строилась работа СНК УзССР, вся практическая деятельность которого была направлена на решение хозяйственных, политических и культурных задач социалистического строительства в Узбекистане.

Ю. Садыков

ИНСТИТУТ «ПАЙШКАН» В ОРОШАЕМОМ ХОЗЯЙСТВЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Орошаемое земледелие с древнейших времен было основой хозяйственной жизни Средней Азии, в том числе Ферганской долины. Здесь издавна практиковался массовый выход населения на работы по ремонту и очистке каналов и арыков. На этой основе в Кокандском оазисе формируется институт «пайшкан», широко распространенный в зонах искусственного орошения юго-западной части Ферганской долины.

Слово «пайшкан» происходит от персидско-таджикских «пай» (головная часть канала) и «шкан» (канал или русло действующего канала). «Пайшкан» означает мероприятия по очистке и ремонту ирригационной сети силами самих водопользователей.

«Пайшкан» как одна из форм общественных работ практиковался в зоне

Сох-Исфаринской системы. Он имел много общего с хашаром, распространенным в большинстве районов Узбекистана.

В Ферганской долине, в частности в Кокандском оазисе, ирригационные работы велись в два срока — весной (до начала полевых работ) и осенью (по окончании уборки урожая). В марте — первой половине апреля производили ремонт и очистку ирригационной сети, заделку берегов, исправление старых и устройство новых плотин и т. д.¹

Перед началом пайшканных работ арык-аксакалы извещали население о дне выхода на очистку и ремонт оросительной сети. Для этого каждая семья выделяла одного трудоспособного мужчину с соответствующим инвентарем (кельмен.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 365.

¹ ЦГА УзССР, ф. И-21, оп. 14, д. 227, л. 16.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 6, д. 60, л. 50.

жирка и др.). Срок работ устанавливался мирабами совместно с арык-аксакалами.

Член-корр. АН УзССР М. А. Насретдинов, в прошлом лично участвовавший в пайшканных работах, вспоминал: «По всем дорогам кишлаков Кокандского оазиса тянутся в Сары-Курган сотни арб, груженных хворостом, бревнами и продовольствием, и вслед за ними с мешками за плечами идут тысячи людей. Из Киялы и Мулькабада, из Бачкира, Ханабда и Каракультепе, из Калямышы, из Амрабада, из всех бесчисленных тогдашних «абадов» за 50 и даже 70 километров идут эти люди босыми и натруженными ногами по пыльным и каменным дорогам в Сары-Курган, на водозаборные работы.

С утра и до позднего вечера работает и галечниковой пойме пайшкан, то прокапывая головы своих арыков к ушедшему в сторону протоку, то возводя из гальки и хвороста примитивные водозаборные устройства, то защищая свой арык от разбушевавшегося потока.

Каждый год все, что сделал пайшкан, разрушала, заносила галькой и песком бурная река. И порой так разрушала и заносила, что некоторые из 98 существовавших тогда створдов этой реки по 15—20 дней оставались вовсе без воды, а вода бесполезно уходила в Сырдарью. И тогда выходило на пайшкан все население кишлаков, оставшихся без воды, бросая все свои занятия, жертвуя всем, что у него есть, ради того, чтобы получить воду — основу своего благополучия».

Методом пайшкана выполнялись земляные работы по укреплению и расширению каналов и арыков, устройству каменных дамб путем возведения сепои (трехножка на столбах). Под сепои подкладывали много камней, покрывали их хворостом и сверху снова накладывали камни.

Так возводили сепои в главных водозаборных частях каналов. На трассе оросителей, в распределительных участках строили небольшие плотины из чима (глина с корнями диких трав) и хвороста. Эти плотины крепились кольями из крепких стволов деревьев.

Примитивные ирригационные сооружения часто разрушались половодьем и их вновь приходилось ремонтировать на сносках пайшкана.

А. М. Миддендорф так описывает пайшканные работы: «Конные туземцы стекались группами из деревень, расположенных на расстоянии до 6 миль. Заинтересованные в деле орошения поселения работали с величайшим старанием... Во время зимних половодий, при сползании весной ледяных глыб, при необыкновенных ливнях в горах по скалистым расщелинам надвинулась (большей частью скатилась) в долину огромная масса обломков голышей, так что начало канала на большом протяжении было настолько засыпано, что его невозможно было распознать. Поселения прокладывали новые русла в гальковом слое, большей частью работая голыми руками, набрасывали справа и слева береговые валы и каждая партия старалась направить воду в свой канал»².

Таким образом, институт общественных ирригационных работ «пайшкан» был широко распространен в районах Кокандского оазиса, в том числе в зоне Сохского водохозяйственного веера. Дальнейшее изучение его представляет большой интерес для исследования истории орошаемого земледелия в Ферганской долине.

А. Абдулламидов

² А. М. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 181.

УЗЫ

(Из истории родоплеменных делений узбеков)

В сложном процессе формирования и развития узбекской народности принимали участие многие племена и роды. Одним из таких племен были узы. В историко-этнографической литературе до сих пор нет единого мнения об этом древнетюркском племени.

Ряд историков 60—80-х годов XIX в. (Г. З. Байер, Д. А. Хвольсон, Ф. Сум, С. М. Соловьев и др.) отождествляли узов с полсыцами. Такое предположение было отвергнуто П. Голубовским¹. Он считал, что узы — это торки, упоминаемые в рус-

ских летописях². Аналогичное мнение высказала и группа ученых — предшественников П. Голубовского³.

П. А. Житецкий⁴ отождествлял узов с

² Там же, стр. 139.

³ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, СПб., 1833, т. I, прим. 87, 397; т. II, прим. 106; М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. V, М., 1857, стр. 136; Д. Н. Плавовский. История России, М., 1876, ч. I, прим. 42; Ф. Брун. Черноморье, Одесса, 1870, ч. I, стр. 21.

⁴ П. А. Житецкий. Смена народностей в Южной Руси, Киевская старина, июль 1883, стр. 439.

¹ П. Голубовский. Печенеги, торки и полсыцы до нашествия татар, Киев, 1884, стр. 131—134 и след.

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

6

1978

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТУРКЕСТАНЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

(На материалах Ферганской области)

До присоединения к России территория Ферганской долины входила в состав Кокандского ханства — феодально-деспотического государственного образования, экономика которого носила отсталый аграрный характер.

Главным занятием жителей Кокандского ханства было земледелие, сохранявшее в основном натуральный уклад и базировавшееся на примитивной средневековой технике.

В Фергане земельные угодья делились на три основные категории: государственные, частновладельческие и вакуфные земли. Государственные земли (амляк, подшалык), согласно шарияту, находились в верховном распоряжении правителя страны, но фактически могли переходить из рук в руки путем купли-продажи, деления, наследования, завещания и т. д.

Частновладельческие (мульковые) земли по типу обложения делились на хараджные, мульки ушри и мульки хурри-халис, причем последние освобождались от государственных податей. Крупные землевладельцы почти 90% своих земель сдавали мелкими участками в аренду безземельным и малоземельным дехканам.

Вакуфные земли, занимавшие в Кокандском ханстве огромную территорию, юридически были навсегда отданы в пользование религиозных учреждений, а на деле принадлежали духовным феодалам — мусульманскому духовенству.

Пользуясь поддержкой ханской власти, духовенство непрерывно приумножало вакуфные владения. Во второй половине XIX в. площадь вакуфов доходила примерно до 100 тыс. десятин¹.

Вакуфные земли освобождались от всех государственных налогов и повинностей. Они не подлежали конфискации и были ограждены от посягательств ханских чиновников. В этом и заключалась одна из главных причин широкого распространения этой формы землевладения. Попечители вакуфного имущества (мутаваги) практически распоряжались им по своему усмотрению. Выжимая из дехкан последние соки, они всячески увеличивали свои доходы от вакуфных земель².

В феврале 1876 г. царские власти упразднили Кокандское ханство. На его территории была образована Ферганская область, вошедшая в состав Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи.

Присоединив Фергану к своим туркестанским владениям, царизм столкнулся со сложной земельно-водной системой, традиционные формы которой не отвечали интересам колониального «освоения» края.

Принятое в 1886 г. положение «Об управлении Туркестанским краем» было нацелено на ликвидацию здесь прежнего военно-феодального землевладения, укрепление экономических позиций колониальных властей и увеличение доходов казны. Значительная часть земель была объявлена государственной собственностью, а за оседлым сельским населением было юридически закреплено право частной собственности на земли, находившиеся в его потомственном владении, пользовании и распоряжении. Это право распространялось и на арендаторов. Все дехканские хозяйства обязаны были платить в царскую казну твердо установленные налоги.

В соответствии с «Положением по землеустройству», царское правительство провело в Фергане в 1890—1910 гг. земельно-податные работы. При этом в расчете на душу оседлого населения обоего пола было выделено в среднем по 1,5 десятины, в том числе 0,8 десятины орошаемых и богарных земель³.

Положение 1886 г. ограничивало земельные права вакуфовладельцев. Например, в 1895 г. площадь вакуфных землевладений в Ферганской области составляла 46 140 а, в 1905 г. — 18 857 десятин. Отобранные у духовенства земли были объявлены государственной собственностью и обложены налогами⁴.

В результате всех этих мероприятий основную массу земельных собственников составили мелкие дехканские хозяйства. На их долю приходилось 73% частных землевладений области⁵.

Вместе с тем создавались предпосылки для возникновения кулацкого землевладения. В отчете сенатора К. К. Палена прямо отмечалось, что вместе с дроблением земли и обезземеливанием населения в Туркестане наблюдается концентрация земель в руках «богатых туземцев». Так, в кишлаке Пап по 1000 танапов земли имели Салимбай и Халилбай мингбаши, Туяк мингбаши и Салохиддин мингбаши — по 550, Салим-ходжа и

¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 682, л. 40—41.

² Там же, д. 78, л. 17.

³ Пален К. К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. СПб., 1911, с. 109.

⁴ Пален К. К. Поземельно-податное дело. СПб., 1910, с. 74.

⁵ Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М., 1926, с. 73.

Рустамалибай — по 200, Нурматбай — 150, Эргашбай, Хусанбай, Атахамбай, Рустамбай — по 100 танавев.

Крупнейший бай Андижанского уезда Миркамил Муминбаев владел почти 5 тыс. десятин лучших земель⁶. В том же уезде 145 баев владели 7500 десятин, а на долю 9 тыс. дехканских хозяйств приходилось лишь 3072 десятины малопригодных земель⁷.

Типичную для Ферганы концентрацию земельной собственности можно показать на примере хозяйства Ирматбая Субанкулова из Авальской волости Маргиланского уезда. В 1851 г. Субанкулову досталось по наследству 9 участков земли, а затем он постепенно начинает покупать земли разорявшихся дехкан не только в своей, но и в соседней, Чимйонской волости. В результате к 1908 г. в его распоряжении оказались десятки участков общей площадью свыше 200 десятин⁸.

Наглядное представление о процессе обезземеливания трудового дехканства дают сведения о количестве сделок по векселям под залог имущества. Так, по данным книг «народных судей» за 1901 г., только в четырех уездах (Андижанском, Скобелевском, Наманганском, Кокандском) Ферганской области было заложено по векселям земель и иного имущества почти на 12,8 млн. руб. К тому времени в Фергане было заложено около 30% площадей хлопковых полей, а к 1903 г. было закабалено свыше половины дехкан Ферганской области.

В последующие годы сделки по залогом и продаже земли получили еще большее развитие. Так, в 1907 г. только в Маргиланском уезде Ферганской области было зарегистрировано 106 189 кредитных сделок почти на 14 млн. руб.⁹

В узбекский кишлак все глубже проникают товарно-денежные отношения, а вместе с тем растет и социальная дифференциация сельского населения. Так, в 1916 г. 16 тыс. байских хозяйств Ферганской области имели 312 тыс. десятин, а 233 тыс. дехканских хозяйств — лишь 98 тыс. десятин земли. Если на каждое байское хозяйство приходилось в среднем 19,5 десятины, то на каждое трудовое дехканское хозяйство — около 0,42 десятины земли¹⁰.

Это была уже не феодальная, а капиталистическая концентрация земли, развивавшаяся прежде всего на основе скупки баями земельных участков у разорявшихся мелких крестьянских хозяйств. В результате непрерывно увеличивалась масса безземельных дехкан.

Однако эта концентрация не привела к появлению в кишлаке крупных капиталистических хозяйств; земледелие продолжало базироваться на мелком крестьянском хозяйстве. Сосредоточивая в своих руках крупные земельные владения, сельские эксплуататорские элементы предпочитали раздавать их в аренду малоземельным и безземельным крестьянам на издольных началах, ибо издольщина (чайрикерство) давала баям большие доходов, чем применение наемного труда. Издольщина, будучи орудием жестокой эксплуатации дехкан, вместе с тем препятствовала применению машин в сельском хозяйстве, улучшению способов его ведения, мешала развитию форм капиталистического производства в земледелии.

Много безземельных, бесскотных дехкан работало у зажиточных кулаков и баев в качестве мардикеров (батраков). Обычно они нанимались на определенный срок (год, сезон и т. п.). Наем производился на различных условиях, в зависимости от конкретной ситуации, соотношения между предложением и спросом на рабочие руки, сезона, характера работы и т. д. В среднем же стоимость рабочего дня мардикера составляла в Андижане — 65 коп., Маргилане — 70 коп., в Коканде — 75 коп.¹¹

В 1907 г. в Фергане насчитывалось до 150 тыс., а в 1910 г. — около 200 тыс. безземельных батраков¹². К этому времени около 30% коренного населения не имели земли¹³. В 1917 г. в Ферганской области было 16 тыс. байских хозяйств, из них 8200 использовали наемный труд безземельных дехкан.

С каждым годом росло и количество дехканских хозяйств, не имевших продуктивного и рабочего скота. Только за 1896—1913 гг. поголовье скота в Ферганской области сократилось на 25,9%. По данным А. П. Демидова, в 1917 г. в среднем на 2 хозяйства в Кокандском уезде приходилась одна лошадь, один бык и одна корова, а по Наманганскому уезду — на 3 хозяйства одна лошадь и на 2 хозяйства — один бык и одна корова.

В крупных хозяйствах нехватка рабочего скота восполнялась покупкой его на

⁶ Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане. Ташкент, 1969, с. 187.

⁷ Демидов А. П. Указ. соч., с. 73.

⁸ Валиев А. Х. Положение дехканства Ферганы в конце XIX — начале XX века. Ташкент, 1958, с. 14.

⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 1717, л. 146.

¹⁰ Валиев А. Х. Указ. соч., с. 17.

¹¹ «На аграрном фронте», М., 1929, № 14.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 1588, л. 24.

¹³ Понятовский С. Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. СПб., 1913, с. 111.

рынке, а также использованием труда тех чайриков, которые еще имели рабочий скот. Мелким же хозяйствам при отсутствии рабочего скота приходилось сдавать свой участок в аренду и работать чайриками у баев или нанимать рабочий скот. В обоих случаях parcelлярные хозяйства попадали в кабалу к крупным землевладельцам.

Тяжким бременем ложились на трудовое дехканство ирригационные работы. Каждый год дехкане массами привлекались к очистке и ремонту ирригационных сооружений. Стоимость ирригационных работ, производимых населением Ферганской области в порядке натуральной повинности, достигала ежегодно приблизительно 300—350 тыс. руб.¹⁴ Только за первое десятилетие XX в. расходы каждого хозяйства по ирригационной повинности возросли в Андижанском уезде в 2,5 раза, в Кокандском — в 5,3, в Маргиланском — более чем в 7 раз и т. д.¹⁵

Колониальные власти не принимали сколько-нибудь серьезных мер к развитию ирригации и увеличению площади поливных земель. За весь колониальный период частными предпринимателями были установлены лишь 73 механические водокачки, рассчитанные на орошение 16 тыс. десятин¹⁶. Владельцы водокачек взимали с дехкан за трехкратный полив хлопчатника по 60 руб. с десятины и получали по 40 руб. чистой прибыли¹⁷.

Сотни тысяч дехкан Туркестана, в том числе Ферганы, изнывали под бременем эксплуатации как со стороны царских колонизаторов, так и местных угнетателей. Растущие налоги, повинности, ростовщичество, произвол байско-кулацких элементов обрекали мелкое дехканское хозяйство на полное разорение. И только победа Великого Октября навсегда избавила дехканские массы Ферганы, как и всех трудящихся нашей страны, от всякого гнета и эксплуатации, открыла перед ними путь к светлой и счастливой жизни, путь социализма.

И. Усманов

¹⁴ Пален К. К. Орошение в Туркестане. СПб., 1910, с. 122.

¹⁵ Там же, с. 124.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 1, д. 5011, л. 31.

¹⁷ Там же, д. 5015, л. 17.

К ИЗУЧЕНИЮ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА ЕРКУРГАН

Исследование оборонительных сооружений представляет один из важных аспектов изучения истории и культуры древних городов. В этом плане богатый материал дает городище Еркурган — один из памятников древнего Согда, расположенный в Кашкадарьинском оазисе, который в археологическом отношении менее изучен, чем другие области Средней Азии. Городище находится в 15 км к северо-западу от г. Карши. Площадь его — 150 га. Уже по рельефу видно, что некогда оно было охвачено двумя оборонительными стенами, снабженными башнями.

Впервые городище Еркурган было обследовано в 1946 г.¹ В 1946—1948 гг. Кашкадарьинский отряд Института истории и археологии АН УзССР под руководством С. К. Кабанова провел там небольшие раскопки и собрал некоторые материалы по истории культуры города и его фортификации². На их основе С. К. Кабанов дал общую характеристику Еркургана и его стен.

В 60-х годах развернулись более широкие археологические исследования этого городища. Их проводил Кешский археологический отряд ТашГУ, возглавляемый М. Е. Массоном, который дал детальное описание Еркургана и сделал ряд ценных заключений о его фортификации. Сложение города он датировал II—I вв. до н. э.³

С 1970 г. археологические изыскания на Еркургане осуществлял Кашкадарьинский отряд Института археологии АН УзССР под руководством Р. Х. Сулейманова. В 1974 г. он приступил там к специальному изучению оборонительных сооружений.

Внутренний обвод стен городища в плане представляет пятиугольник. Стены очень мощные, хорошей сохранности, их высота 10—12 м, толщина основания — 20—25 м.

Для более подробного изучения фортификации городища была произведена зачистка стен внутреннего обвода. Здесь мы остановимся на двух разрезах.

Разрез I А. Общая высота — 7 м (I—XIV ярусы). Предварительно выявлено четыре строительных пласта, соответствующих определенным периодам сложения и обживания городища.

¹ Кабанов С. К. Археологические работы в 1948 г. в Каршинском оазисе. — Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. 2. Ташкент, 1950, с. 107—111.

² Тереножкин А. И. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекстана. — «Вестник древней истории», 1947, № 2, с. 185—187.

³ Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973, с. 10—14.